

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ

Памята

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч-22

Чарская Л.

Ч-22 Таита / Л. Чарская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 188 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77605-4

Действие повести «Таита» разворачивается в Н-ском институте. Рассказывается о событиях, происходящих в комнате для женской прислуги института и в камерке сторожа, после того как туда подкинули маленького ребенка. Новым значением наполняется жизнь выпускниц, доселе унылая и однообразная, — у них появляется ТАЙНА. Она создаст много курьезных и опасных ситуаций для институток.

BIC FC
BISAC FIC000000

Глава 1

— С нами крестная сила. Ветер-то, ветер какой!

— Ну и погодушка!

— Высунься-ка поди-ка на улицу: так тебя и закружит, так и завертит.

— До святок еще, почитай, два месяца, а стужа какая! Не приведи Бог!

— Нынче с утра вьюжит. Как намедни в лавочку бегала, думала, с ног метелью собьет. Едва-едва обратно добежала.

— Тише, девушки, тише. Никак стучит кто-то?

— Как не стучать. Стучит, понятно. Она тебе и стучит, и поет, и свистит на разные голоса.

— Нынче пушки из крепости палили. Сказывают, это значит, вода из Невы выступит к ночи.

— Храни, Господи! Тогда пиши пропало: зальет наш подвал.

— В первый этаж переведут, не бойся; будем тогда вроде как барышни-институтки. Знай, мол, наших.

— Да тише вы, сороки! Спать пора, а они стрекочут. Небось завтра с петухами вставать, а они спать не дают.

— Стойте, девушки, помолчите. Впрямь, кто-то стучит.

На миг затихли голоса, и в комнате стало тихо.

Впрочем, это не комната даже, а широкий, длинный коридор. Около двадцати убогих кроватей, прикрытых нанковыми «солдатскими» одеялами, электрическая лампочка освещает

переднюю часть коридора; задняя скрывается во мраке. Только в дальнем конце ее мигает огонек лампы перед божницей. Окна приходятся вровень с землей; в них видны лишь ноги проходящих по двору людей.

Это помещение для женской прислуги Н-ского института. Это ее дортуар, спальня. Здесь, среди подвальной прислуги, есть и старые и молодые. Все они — «казенные» служанки, то есть "не помнящие", а то и вовсе не знающие родства, взятые из воспитательного дома и поступившие сюда в очень молодом возрасте, шестнадцати — семнадцати лет. Многие из них уже старухи. Несколько десятков лет провели они здесь, убирая классы, дортуары воспитанниц, комнаты начальницы, инспектрисы, классных дам, приемные, подавая обеды и ужины институткам, перемывая чайную и столовую посуду, стирая белье в прачечной.

Есть между ними и бельевые и гардеробные девушки, то есть такие, которые шьют белье институткам и перешивают им платья. Эти девушки-швеи с утра до ночи просиживают, согнувшись, над шитьем. Тяжела жизнь таких служанок; за полтора — два рубля в месяц они должны работать целые дни. Правда, казна одевает их, дает им от себя платье, белье, обувь, все, до последнего куска мыла включительно, но за это как много они трудятся!

Не мудрено поэтому, что мало охотниц с воли приходит в институт в качестве горничных, швеек и прачек. Из двух десятков человек всего лишь одна-единственная вольная в Н-ском институте. «Вольную» девушку, по имени Стеша, приехавшую из деревни два года тому назад, здесь не любит никто. Веселая, певунья, с румяным лицом и искрящимися глазами, Стеша возбуждает зависть среди сослуживиц. Да и как им не завидовать, когда она может уйти отсюда на другое место, в то время, как все остальные должны за хлеб и приют, которыми они пользовались в раннем детстве, отслужить казне, а иные так и остаются служить до седых во-

лос, пока не исчезнут силы и не распахнет перед ними дверей богадельня.

Метель все шумит, все поет и визжит за стеною.

Вдруг громко раздается у дверей: "тук-тук-тук".

— С нами крестная сила. Снаружи это. Что такое? В такой неурочный час, Господи.

И самая старшая из служанок, пятидесятитрехлетняя Агафьюшка, за свой властный нрав прозванная институтками Марфой Посадницей, кряхтя, поднимается с постели, на которой она только что растирала свои истерзанные ревматизмом ноги.

— А может, надсмотрщица? — произносит молоденькая Акуля, недавно поступившая сюда.

— Глупая. Какая там надсмотрщица? Нешто надсмотрщица с улицы придет, — накидываются на нее товарки.

— Стало быть, депеша либо письмо, — говорит Дунечка, которую старые девушки-служанки презрительно называют Дуней-белоручкой за умение сохранять среди самой грубой работы свою природную красоту.

Про Дуню-белоручку институтки говорили, что она — переодетая аристократка, которую злые родственники, желая воспользоваться ожидающим ее богатым наследством, подкинули в воспитательный дом.

— Депеша... Как же. Держи карман шире. Тебе депеша от китайского императора, что ли, с извещением, что он тебя, белоручку, замуж за себя берет? — насмешливо протянула сорокалетняя девушка, Капитоша, прислуга инспектрисы, которую прозвали Шпионкой за ее доносы на всех и на всякого.

Дунечка вспыхнула, остальные захохотали.

Между тем Агафьюшка открыла дверь спальни и прошла в сени. Черный ход находился тут же, по соседству с подвальным помещением девушек.

Пахнуло холодом. Вьюга ворвалась в спальню. И перед Марфой Посадницей выросла закутанная в теплый овчинный полушубок широкая неуклюжая фигура женщины.

— Что, Степанида Иванова здесь живет? — деревенским говором произнесла запоздалая посетительница.

Агафьюшка так вся и затряслась от охватившего ее негодования.

— Да что ты, милая, никак ума лишилась! Да нешто можно в казенное место в такую пору являться? Да, не приведи Бог, надсмотрщица явится — всех нас под ответ подведешь. Ступай, ступай. Завтра поутру наведайся. Нечего по гостям ходить, на ночь глядя, — затараторила она, легонько подталкивая незнакомку обратно к двери.

— Да я не по гостям, милая. Впусти, Христа ради. Мне Стеше Ивановой передать надоть кой-что, гостинчик из деревни, — взмолилась посетительница.

При слове «гостинчик» Агафьюшка смягчилась.

— Ну, входи уж, коли пришла, — разрешила она. — Только справляйся скорее. Нету времени с тобой возиться. Надсмотрщица нагрянет того и гляди.

— Эй, Степанида! Стеша! Вставай скорее. К тебе из деревни гостя. Эк разоспалась девушка — и не разбудишь вовсе!

И, говоря это, Марфа Посадница будила полную девушку, успевшую уже заснуть под говор товаров.

Стеша просыпается не сразу. Садится на постели и протирает заспанные глаза.

— Стешенечка. Здравствуй, милая. Как живешь, родимая? А я к тебе из деревни, гостинчик привезла, — слышит она знакомый голос у своей кровати.

Стеша сразу узнает в толстой, закутанной фигуре свою давнишнюю знакомую и землячку.

— Панкратьевна! Голубушка! Вот неожиданно-негаданно Господь принес!

И, соскочив на босу ногу с постели, она бросается обнимать пришедшую.

Электрическая лампочка блестит тускло. Фигура и лицо Панкратьевны скрываются в полумраке. Но от взоров находящихся в подвале женщин не может укрыться неестественная полнота запоздалой гостии. Как будто она скрывает что-то под овчинным полушубком и теплым платком.

Немного плачущим, певучим голосом Панкратьевна говорит, обращаясь к Стеше:

— Вот, Степанидушка, напасть-то какая: как померла шесть месяцев тому назад сестрица твоя Аграфена Ивановна, Царствие ей Небесное, так мы с ейной дочуркой Глашкой и не знали, что делать. Народ у нас, чай, сама знаешь, бедный, голодать частенько приходится. В кажинной семье кажинный рот на счету, все есть просят, а тут, накося — чужую девчонку кормить надоть. Ну, прознали мы, что ты как у Христа за пазухой в казне на всем готовом живешь, так и решили всем миром девчонку тебе послать. Делай с нею, что знаешь. Корми, пои ее: ты ей родной теткой приходишься; кровь-то не чужая — своя. Бери ее себе, Глашку-то, потому некуда ее больше девать.

— С нами крестная сила. Ветер-то, ветер какой!

— Ну и погодушка!

— Высунься-ка поди-ка на улицу: так тебя и закружит, так и завертит.

— До святок еще, почитай, два месяца, а стужа какая! Не приведи Бог!

— Нынче с утра вьюжит. Как намедни в лавочку бегала, думала, с ног метелью собьет. Едва-едва обратно добежала.

— Тише, девушки, тише. Никак стучит кто-то?

— Как не стучать. Стучит, понятно. Она тебе и стучит, и поет, и свистит на разные голоса.

— Нынче пушки из крепости палили. Сказывают, это значит, вода из Невы выступит к ночи.

— Храни, Господи! Тогда пиши пропало: зальет наш подвал.

— В первый этаж переведут, не бойся; будем тогда вроде как барышни-институтки. Знай, мол, наших.

— Да тише вы, сороки! Спать пора, а они стрекочут. Небось завтра с петухами вставать, а они спать не дают.

— Стойте, девушки, помолчите. Впрямь, кто-то стучит.

На миг затихли голоса, и в комнате стало тихо.

Впрочем, это не комната даже, а широкий, длинный коридор. Около двадцати убогих кроватей, прикрытых нанковыми «солдатскими» одеялами, электрическая лампочка освещает переднюю часть коридора; задняя скрывается во мраке. Только в дальнем конце ее мигает огонек лампы перед божницей. Окна приходятся вровень с землей; в них видны лишь ноги проходящих по двору людей.

Это помещение для женской прислуги Н-ского института. Это ее дортуар, спальня. Здесь, среди подвальной прислуги, есть и старые и молодые. Все они — «казенные» служанки, то есть "не помнящие", а то и вовсе не знающие родства, взятые из воспитательного дома и поступившие сюда в очень молодом возрасте, шестнадцати — семнадцати лет. Многие из них уже старухи. Несколько десятков лет провели они здесь, убирая классы, дортуары воспитанниц, комнаты начальницы, инспектрисы, классных дам, приемные, подавая обеды и ужины институткам, перемывая чайную и столовую посуду, стирая белье в прачечной.

Есть между ними и бельевые и гардеробные девушки, то есть такие, которые шьют белье институткам и перешивают им платья. Эти девушки-швеи с утра до ночи просиживают, согнувшись, над шитьем. Тяжела жизнь таких служанок; за полтора — два рубля в месяц они должны работать целые дни. Правда, казна одевает их, дает им от себя платье, белье, обувь, все, до последнего куска мыла включительно, но за это как много они трудятся!

Не мудрено поэтому, что мало охотниц с воли приходит в институт в качестве горничных, швеек и прачек. Из двух десятков человек всего лишь одна-единственная вольная в Н-ском институте. «Вольную» девушку, по имени Стеша, приехавшую из деревни два года тому назад, здесь не любит

никто. Веселая, певунья, с румяным лицом и искрящимися глазами, Стеша возбуждает зависть среди сослуживиц. Да и как им не завидовать, когда она может уйти отсюда на другое место, в то время, как все остальные должны за хлеб и приют, которыми они пользовались в раннем детстве, отслужить казне, а иные так и остаются служить до седых волос, пока не исчезнут силы и не распахнет перед ними дверей богадельня.

Метель все шумит, все поет и визжит за стеною.

Вдруг громко раздается у дверей: "тук-тук-тук".

— С нами крестная сила. Снаружи это. Что такое? В такой неурочный час, Господи.

И самая старшая из служанок, пятидесятитрехлетняя Агафьюшка, за свой властный нрав прозванная институтками Марфой Посадницей, кряхтя, поднимается с постели, на которой она только что растирала свои истерзанные ревматизмом ноги.

— А может, надсмотрщица? — произносит молоденькая Акуля, недавно поступившая сюда.

— Глупая. Какая там надсмотрщица? Нешто надсмотрщица с улицы придет, — накидываются на нее товарки.

— Стало быть, депеша либо письмо, — говорит Дунечка, которую старые девушки-служанки презрительно называют Дуней-белоручкой за умение сохранять среди самой грубой работы свою природную красоту.

Про Дуню-белоручку институтки говорили, что она — переодетая аристократка, которую злые родственники, желая воспользоваться ожидающим ее богатым наследством, подкинули в воспитательный дом.

— Депеша... Как же. Держи карман шире. Тебе депеша от китайского императора, что ли, с извещением, что он тебя, белоручку, замуж за себя берет? — насмешливо протянулаそろкалетняя девушка, Капитоша, прислуга инспектрисы, которую прозвали Шпионкой за ее доносы на всех и на всякого.

Дунечка вспыхнула, остальные захохотали.

Между тем Агафьюшка открыла дверь спальни и прошла в сени. Черный ход находился тут же, по соседству с подвальным помещением девушек.

Пахнуло холодом. Вьюга ворвалась в спальню. И перед Марфой Посадницей выросла закутанная в теплый овчинный полушубок широкая неуклюжая фигура женщины.

* * *

— Что, Степанида Иванова здесь живет? — деревенским говором произнесла запоздалая посетительница.

Агафьюшка так вся и затряслась от охватившего ее негодования.

— Да что ты, милая, никак ума лишилась! Да нешто можно в казенное место в такую пору являться? Да, не приведи Бог, надсмотрщица явится — всех нас под ответ подведешь. Ступай, ступай. Завтра поутру наведайся. Нечего по гостям ходить, на ночь глядя, — затараторила она, легонько подталкивая незнакомку обратно к двери.

— Да я не по гостям, милая. Впусти, Христа ради. Мне Стеше Ивановой передать надоть кой-что, гостинчик из деревни, — взмолилась посетительница.

При слове «гостинчик» Агафьюшка смягчилась.

— Ну, входи уж, коли пришла, — разрешила она. — Только справляйся скорее. Нету времени с тобой возиться. Надсмотрщица нагрянет того и гляди.

— Эй, Степанида! Стеша! Вставай скорее. К тебе из деревни гостя. Эк разоспалась девушка — и не разбудишь вовсе!

И, говоря это, Марфа Посадница будила полную девушку, успевшую уже заснуть под говор товаров.

Стеша просыпается не сразу. Садится на постели и протирает заспанные глаза.

— Стешенечка. Здравствуй, милая. Как живешь, родимая? А я к тебе из деревни, гостинчик привезла, — слышит она знакомый голос у своей кровати.

